

УДК 330.111

О. Ю. Луговой

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», Оренбург,
e-mail: etcons@yandex.ru

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА

Ключевые слова: эндогенная теория, частный интерес, общественный интерес, товарно-денежный обмен, рынок, государство, монополизм.

Известные концепции советской экономики являются политико-экономическими или социально-экономическими (иначе, экономико-социологическими). Поэтому в этих концепциях внимание фокусируется на политических и институциональных факторах, определяющих функционирование советской экономики. В них экономика изображается как система политико-экономических и социально-экономических отношений. Неслучайно она типично определяется как командно-административная экономика, диаметрально отличающаяся от рыночной экономики. Однако в этом случае соответственно чисто экономические (эндогенные) закономерности функционирования советской экономики остаются вне сферы познания. Данная работа представляет собой чистое экономико-теоретическое исследование советской экономики. Объектом исследования является советская экономика. Предмет исследования – тип советской экономики. Цель исследования состоит в определении типа (идентификации) советской экономики. Работа содержит исторический и аналитический аспект оснований идентификации советской экономики как нерыночного хозяйства. Излагается методологическая и концептуальная критика. В позитивной части исследования представлена эндогенная модель рыночного хозяйства при условии функционирования государства в качестве монополиста-землевладельца и монополиста-капиталиста (модель монопольно-государственной экономики). Определяются основные правила функционирования государства, государственных фирм и домохозяйств. Эти правила соотносятся с типичными для советской экономики явлениями. На основании обнаруживаемого соответствия советская экономика идентифицируется как рыночное хозяйство особого типа – монопольно-государственная экономика.

O. Yu Lugovoi

Federal state budgetary educational institution of higher education «Orenburg state pedagogical University», Orenburg, e-mail: etcons@yandex.ru

SOVIET ECONOMY

Keywords: endogenous theory, private interest, public interest, commodity-money exchange, market, state, monopoly.

Well-known concepts of the Soviet economy are political-economic or socio-economic (otherwise, economic-sociological). Therefore, these concepts focus on the political and institutional factors that determine the functioning of the Soviet economy. They depict the economy as a system of political-economic and socio-economic relations. It is no coincidence that it is typically defined as a command-and-control economy that is diametrically different from a market economy. However, in this case, respectively, the purely economic (endogenous) regularities of the functioning of the Soviet economy remain outside the sphere of knowledge. This work is a pure economic and theoretical study of the Soviet economy. The object of research is the Soviet economy. The subject of research is the type of Soviet economy. The purpose of the study is to determine the type (identification) of the Soviet economy. The paper contains the historical and analytical aspect of the grounds for identifying the Soviet economy as a non-market economy. The paper presents the methodological and conceptual criticism. In the positive part of the study, we present an endogenous model of market economy under the condition of functioning of the state as a monopoly-landowner and a monopoly-capitalist (the model of a monopoly-state economy). The basic rules of functioning of the state, state firms and households are defined. These rules relate to the typical for the Soviet economy phenomena. Based on this correlation, the Soviet economy is identified as a market economy of a special type – a monopoly-state economy.

В последнее время в научной литературе и публицистике обнаруживается интерес к причинам распада СССР, причем, все большую популярность приобретает версия о субъективных причинах.

Эта тенденция отражает, как представляется, не только эмоциональную реакцию части общества на ухудшение состояния российской экономики, но и отрицание объективности распада СССР. Послед-

нее, вероятно, является признаком неудовлетворенности известными концепциями советской экономики.

Однако не это обстоятельство является причиной данной работы; оно, скорее, повод. Действительная причина является отчасти методологической, отчасти – концептуальной. Известные концепции советской экономики являются в методологическом аспекте политико-экономическими либо социально-экономическими, но не собственно экономическими. Как следствие, в концептуальном аспекте изображение экономики как совокупности типичных экономических отношений (экономических законов) подменяется ее представлением в качестве политико-экономических или социально-экономических отношений.

В политэкономии (которую следует отличать от экономической теории) государство является политическим актором. Его действия методологически определяются как политические (экономическая политика), или иначе экзогенные по отношению к экономике.

Социально-экономические отношения методологически соответствуют экономической социологии (социально-экономическое есть экономико-социологическое). В этом случае государство изображается в качестве института, а его действия – институциональными практиками. Особенность этой версии заключается в том, что экономические отношения детерминированы всеми иными социальными (юридическими, этническими, этическими...) явлениями – институтами. Исследование экономических законов подменяется калейдоскопическим поиском внеэкономических детерминант. (Отметим, что по методологическому недоразумению институционализм считается экономической школой. Наряду с официальной экономической социологией институционализм – преемник немецкой исторической школы, ориентированной на изучение особых (частных – национальных) институтов («национальная экономия» в противовес классической – универсальной – «политической экономии».)

Цель настоящей работы – представить чисто экономико-теоретическую (эндогенную) модель советской экономики.

Прежде всего, от противного, зафиксируем исторический и аналитический аспекты стандартной трактовки советского хозяйства.

Как известно, в работах К. Маркса и Ф. Энгельса отсутствует теория коммунистической экономики. Представления о ней имеют эскизный, от противного, характер: в этой экономике отсутствуют частная собственность, стоимость, товар, эксплуатация, рынок, деньги.

Формирование коммунистической экономики в России началось политикой «военного коммунизма» – действиями, ориентированные на «непосредственное строительство социалистического хозяйства» в военных (гражданской войны) условиях. Государство пыталось создать неценовую (нерыночную) систему координации производства и потребления: осуществлялись национализация производства, продовольственная и сырьевая разверстка; вводилась всеобщая трудовая повинность, ограничения частной торговли и др. Эти действия намеренно совершались без учета частного экономического интереса, частной экономической необходимости. Как следствие, происходило существенное снижение продуктивности хозяйственной деятельности (в первую очередь, в аграрном секторе), что вызвало тенденцию натурализации хозяйственной деятельности – экономической дезинтеграции России.

В контексте этой тенденции государство было вынуждено отказаться от политики военного коммунизма («штурмовой атаки») – заменить ее «новой экономической политикой» (НЭП). Основные задачи этой политики – создание условий для прекращения дезинтеграции экономики и последующего замещения товарно-денежного хозяйства нерыночным хозяйством.

НЭП далее сменяется политикой окончательной (посредством коллективизации) национализации и государственной индустриализации. Создается советская (социалистическая) экономика, традиционно определяемая в качестве нерыночного хозяйства.

Что является теоретическим основанием этой трактовки?

Согласно типичным представлениям совершаемое государством распределе-

ние квалифицируется как перераспределение, отличное от рыночного распределения. Это разграничение «является фундаментальным для экономической теории...» [8, с. 252]. В этом отношении показательна позиция Л. Вальраса: «государство – не предприниматель; оно не продает своих услуг на рынке ни по принципу свободной конкуренции или равенства продажных цен и себестоимости, ни по принципу монополии или получения максимального чистого продукта; оно часто продает их в убыток, иногда отдает их даром» [3, с. 382]. В его представлении причина этого обстоятельства – особенность государственных услуг: «государственные услуги являются предметом коллективного, а не индивидуального потребления» [3, с. 382].

Основанием это рода представлений является ложная меркантилистская дихотомия интереса – различие частного и общественного интереса. Иначе, эта дихотомия – основание противопоставления рынка (отношений сообщества покупателей и продавцов) и государства, которым вменяют противоположные способы распределения.

Уточним высказанное. Необходимое условие существования индивида – удовлетворение его (индивидуальных) потребностей. При условии специализации каждый хозяйствующий субъект (домохозяйство, фирма) является частью сообщества экономических субъектов (частным субъектом) и соответственно вынужден реализовывать частный интерес – совершать действия, обеспечивающие удовлетворение его частных потребностей. Вследствие специализации средством удовлетворения частного интереса являются продукты действий других специалистов. Частное присвоение этих продуктов является возмездным. Это присвоение совершается ценовым способом – посредством ценового (рыночного, товарно-денежного) обмена. Средство присвоения – товар (частное благо).

Субъект экономики вынужден конкурировать за возможность частного присвоения продукта деятельности других агентов и, следовательно, за возможность осуществления производства и потребления. Совершая ценовой обмен (ценовое распределение), экономический агент присваивает определенное

количество единиц продуктов (ресурсов) действий других, тем самым лишая конкурирующих субъектов возможности (1) частного присвоения и (2) последующего потребления этих единиц продуктов (ресурсов).

Обратимся, далее, к государству. Итак, согласно типичным представлениям, если имеют место исключительно частные интересы, необходимости в государстве нет. Необходимое условие существования последнего – наличие общественных интересов. Постулируется, что именно государство необходимо для удовлетворения общественных интересов. Домохозяйства и фирмы вынуждены удовлетворять частные интересы, потому что они являются экономическими (специализирующимися) субъектами. Но государство, будучи политическим субъектом, не имеет, по определению, частного (экономического) интереса. Стало быть, государство может и должно удовлетворять именно общественные интересы.

Соответственно предполагается следующее. Общественный интерес – это интерес, идентичный для абсолютно всех субъектов общества. Средство его удовлетворения – общественное благо. По своим «свойствам» общественное благо есть антипод частного блага (товара).

Общественным благам приписывают следующие «свойства» (признаки) [1, с. 550; 9, с. 67]: неисключаемость в потреблении – невозможность исключения индивида из числа потребителей данного блага; неконкурентность (несоперничество) в потреблении – невозможность уменьшения потребления блага индивидом вследствие его потребления другим индивидом. Однако эти «свойства» возможны при условии (третьего) «свойства» неделимости – невозможности разделения потребляемого блага на отдельные единицы.

В силу указанных «свойств» общественные блага не могут быть предоставлены экономическими агентами рыночным способом в качестве товаров – объектов ценового распределения. Они могут быть предоставлены и распределены политическим субъектом, государством, в виде «нетовара» нерыночным (неценовым) способом, называемым

государственным регулированием. (Неявно утверждается: общественное благо есть дар – объект, присваиваемый безвозмездным способом. Этим отношениям («обмен – дарение») иной альтернативы нет.)

Итак, в традиционной системе представлений экономические субъекты осуществляют частное планирование в контексте системы цен и согласовывают свои действия (в конечном счете) ценовым способом. Но вследствие всеобщей национализации (земля, прочие средства производства) государство осуществляет тотальное (централизованное директивное) планирование производства, распределения и потребления, собственно производство и командное (директивное, неценовое) распределение, ориентированные на удовлетворение общественных потребностей посредством общественных благ. Каковы именно общественные потребности, государство определяет в силу своего качества «политический (общественный) субъект». (Неслучайно длительное время в СССР национализация отождествлялась с обобществлением, а государственная собственность – с общенародной (общества) собственностью.)

Государство осуществляет, таким образом, административно-командное управление национальной экономикой. Поэтому последняя определяется как командно-административная экономика. Тот эмпирический факт, что советская экономика является товарно-денежной (а денежное обращение – признак рыночного хозяйства), в целом (хотя, см. [6]) интерпретируется как в экономическом смысле несущественный (деньги при социализме – плановом хозяйстве – некий аналог рабочих квитанций, а товар отличается от товара при капитализме).

В качестве отступления отметим, что именно в контексте данной трактовки в СССР периодически (и не всегда явно) актуализировались дискуссии «плановиков» и «рыночников» [4; 12; 2; 10]. При всей важности этих дискуссий они, однако, следуют из необоснованной идеи экзогенности государства и соответственно надуманной дилеммы «рыночная – плановая» экономика.

Идея существования альтернативных – рыночного (возмездного, ценового) и нерыночного (безвозмездного, неценового) – способов распределения продуктов и ресурсов культивируется вопреки двум фундаментальным и критическим обстоятельствам.

Во-первых, не существует эмпирических и теоретических доказательств существования общественного интереса. Напротив, «теорема о невозможности» К. Эрроу [13], аргументы П. Самуэльсона [11] и наши собственные [7] исключают возможность общественных интересов. Уже из этого следует теоретическая несостоятельность концепции общественных благ. Тем не менее, отметим в качестве второго обстоятельства отсутствие и эмпирически удовлетворительного обоснования возможности общественных благ. (В этом контексте становятся очевидными причина рассуждений о «чистых» и «смешанных» («квазиобщественных») благах [1, с. 550; 9, с. 70] и необоснованность этих суждений.)

Следовательно, существование государства теоретически и эмпирически обосновать несуществующими общественными интересами и благами невозможно. Государство не может совершать распределение в виде дарения – обеспечивать экономическим агентам возможность безвозмездного присвоения благ.

Далее необходимо отметить два аспекта.

Первый аспект – идея эндогенности государства в экономико-теоретическом ракурсе. Государство, тем не менее, существует. И теоретически оно может быть исключительно экономическим субъектом, удовлетворяющим исключительно частные (других нет) интересы посредством рыночного (ценового) распределения товаров. Согласно нашей концепции [7] государство является особой фирмой (монопольным денежным эмитентом), имеющим и реализующим возможность налогообложения. (Если кратко, государство есть микроэкономическая организация, субъектами которой являются чиновники.) Оно продает в обмен на налоги (деньги) свои долговые обязательства (товары) – обещания совершить в будущем по отношению к контрагентам определенные действия (расходы). Существенная особенность,

создающая ряд иллюзий, состоит в том, что государство эмитирует взаимоисключающие обязательства, которые в последующем реализует лишь частично, тем самым удовлетворяя интересы лишь субъектов (налогоплательщиков). В каждый данный период в контексте своих интересов государство определяет приоритеты – какие именно из эмитированных взаимоисключающих долговых обязательств следует считать актуальными и подлежащими выполнению.

Второй аспект – модель эндогенной государственной («рыночной») экономики. Примем в качестве отправной точки неоклассические микроэкономические концепции экономических ресурсов и факторных доходов. Предположим, далее, что государство является монопольным землевладельцем и монопольным капиталистом. Необходимые теоретические условия существования государства – денежная эмиссия и налогообложение. Тем не менее, если все фирмы являются государственными (словно элементы государственной корпорации) может ли государство организовать натуральную (неденежную) экономику? В указанном качестве (двойной монополист) государство, вероятно, может осуществлять натуральное планирование и организовывать натуральное распределение. Во всяком случае, у него есть возможность («единый центр») централизованного планирования и соответственно распределения части ресурсов (земли и капитала).

Однако данный вариант не является достаточным. Дело в том, что домохозяйства, участвующие в функционировании государственных фирм – работники и предприниматели (не в шumpетеровском значении) – являются поставщиками двух видов экономических ресурсов, без которых функционирование экономики и существование государства (как экономической организации) невозможны. Эти домохозяйства являются частными экономическими субъектами и соответственно «имеют» частный экономический интерес. Они, равно как и те, кто является участниками организации «государство» («чиновники»), вынуждены присваивать частный доход. Отношения между государством и домохозяйствами-работниками и до-

мохозяйствами-предпринимателями являются не техническими, а экономическими – отношениями между частными субъектами экономики. Иными словами, государство вынуждено относиться к домохозяйствам-работникам и домохозяйствам-предпринимателям как к частным субъектам.

Организовать распределение частного дохода для каждого частного субъекта экономики в натуральной форме суть осуществить натуральное ценовое (возмездное) присвоение/отчуждение. Однако этот вариант крайне неэкономичен. Поэтому в этих (двойной монополизм) условиях (не как техническая, а как экономическая) необходимость в деньгах не исчезает.

Полагая, что понятие «собственность» не является экономико-теоретическим, и потому избегая его употребления, здесь заметим следующее. Согласно нормативным представлениям, деньги (всеобщий эквивалент стоимости) необходимы в качестве следствия действия закона стоимости, регулирующего экономические отношения в условиях частной собственности на средства производства (в нашей терминологии – частного присвоения). Но в условиях общественной (отождествляемой с государственной) собственности закон стоимости не действует; основным регулятором структуры и объема производства и потребления является закон планомерного развития. Из этого делается вывод о невозможности товарного производства и денег. Но они есть. Дело в том, что товар и деньги – закономерные явления специализации. Поэтому помимо натурального необходимо возникает и ценовое («стоимостное») планирование и распределение.

Итак, отношения всех типов домохозяйств, организованных в государство и (государственные) фирмы, являются возмездными (ценовыми) и конкурентными. В этих условиях возникает необходимость определения задачи функционирования государственной фирмы и соответствующего критерия ее эффективности.

Может ли государственная фирма функционировать в режиме экономического (коммерческого) расчета – действовать ради получения прибыли? Мо-

жет ли норма прибыли быть критерием эффективности функционирования государственной фирмы? Ответ очевиден – нет. В противном случае в каждый данный период (очередная) часть государственных фирм неизбежно будет неэффективной и подлежащей банкротству. Однако банкротство государственных фирм государству невыгодно. Его возможные следствия – безальтернативный рост безработицы (и «лишних» чиновников) и соответствующих государственных расходов в пользу домохозяйств, не являющихся «чиновниками», либо возникновение альтернативных государству (негосударственных) фирм. В последнем случае возникает конкуренция, объектом которой являются земля и капитал, ведущая к устранению двойного государственного монополизма.

Стало быть, теоретически, будучи двойным монополистом, государство вынуждено определять иные цель и критерий эффективности функционирования государственных фирм.

Самый очевидный вариант: цель – натуральный выпуск планируемой продукции, критерий – мера выполнения натурального плана. Однако этот вариант не является самодостаточным. Двойной монополизм государства, как было установлено выше, не отменяет необходимости товарно-денежных отношений – системы денежных цен. Поэтому государственное планирование не может ограничиваться исключительно натуральным планированием. Необходимо также денежное («стоимостное») планирование. Главное, что ориентация государственной фирмы на реализацию государственного плана исключает необходимость ее банкротства.

Однако возникает ситуация двойственности цели (какая именно из двух является приоритетной – «натуральная» или «стоимостная»?). Как следствие, у государственной фирмы объективно появляется возможность относительно самостоятельного выбора типа цели.

Не менее существенная задача состоит в определении доли дохода государственной фирмы, присваиваемой в качестве ее участников домохозяйствами-работниками и домохозяйствами-предпринимателями. Поскольку цель и критерий эффективности функционирования

не имеют непосредственного отношения к (бухгалтерской) прибыли, данная доля дохода не может непосредственно зависеть от этой прибыли. Кроме того, зависимость дохода этих видов домохозяйств от прибыли невыгодна государству, которое и присваивает прибыль. Доход, присваиваемый указанными домохозяйствами, и прибыль, присваиваемая государством (чиновниками), являются альтернативными частями добавленной стоимости.

Вместе с тем доход домохозяйств-работников и домохозяйств-предпринимателей не может определяться произвольно. Если его нельзя сделать зависимым от прибыли (как компонента добавленной стоимости), то остается вариант нормативной привязки (как элемента издержек) к промежуточной стоимости (другому элементу издержек).

При указанных условиях государственная фирма будет вынуждена определять приоритетом выполнение денежного (стоимостного) плана посредством первичного увеличения промежуточной стоимости (материальных затрат). Пренебрежение выпуском дешевой номенклатуры (дефицит) в пользу относительно дорогой продукции (профицит), планирование и фактическое приобретение сравнительно дорогих сырья и материалов являются наиболее рациональными способами с позиции частных интересов домохозяйств-работников и домохозяйств-предпринимателей. Рост абсолютной величины промежуточной стоимости приведет к росту фонда заработной платы (и, в конечном счете, к росту стоимости выпущенной продукции и выполнению/перевыполнению стоимостного плана). (В этой модели ценообразование является преимущественно (а не абсолютно) монопольным, ибо наряду с государством формируют цены фирмы. Хотя и отчасти, но относительные, например, межотраслевые, цены есть результат, соответственно межотраслевой, конкуренции.) Технологические, продуктовые и организационные инновации, позволяющие снизить издержки (повысить качество продукции) экономически невыгодны, ибо будут обесценивать труд (снижение расценок и тарифных ставок, увеличение нормы выработки...) и приводить к его (в том

числе, высококвалифицированного) замещению капиталом.

Кратко обобщая представленную модель, можно полагать следующее. Если государство является монополистом в качестве капиталиста и землевладельца, экономика становится монопольно-государственной экономикой. Необходимое следствие данного монополизма – невозможность банкротства государственных фирм, угрожающего устранением монополизма (возникновением альтернативного по отношению к государству домохозяйства-капиталиста/ домохозяйства-землевладельца). Данного рода монополизм не отменяет специализацию (фундаментальное условие рыночного хозяйства) и соответствующие частные интересы домохозяйств, участвующих в функционировании микроэкономических организаций «государство» и (типичная) «фирма». Соответственно ресурсы и блага необходимо являются объектами возмездного частного присвоения/отчуждения, или ценового обмена, который осуществляется посредством денег. Двойной монополизм государства является основанием для государственного планирования национального производства, распределения в форме ценового обмена и потребления. Это планирование является двухаспектным – натуральным и стоимостным, что позволяет государственным фирмам самостоятельно устанавливать экономический приоритет и отчасти определять контрагентов, структуру, объемы, цены выпускаемой продукции. Характер цели и критерия эффективности функционирования, определяемый невозможностью для государства банкротства фирм, экономически вынуждает фирмы осуществлять рутинное (анти-инновационное) производство, снижать производство дешевой продукции и увеличивать выпуск дорогих продуктов, что ведет к падению их качества и увеличению ресурсоемкости производства. В данных условиях фирмам (с позиции частных интересов участников фирм) выгодно генерировать дефицит одних и профицит других продуктов, снижение их качества, рост ресурсоемкости производства, что приводит (независимо от свойств информационной базы и уровня развития вычислительных си-

стем) к формированию долговременных диспропорций в национальной экономике, исчерпанию потенциала последней.

Теперь обратимся к советской экономике. Если соотнести с данной моделью историческое описание (историю экономики), политико-экономические или социально-экономические представления о советской экономике, то они будут существенно отличаться. В частности, потому, что эта модель не является изображением эволюции советской экономики, типично понимаемой как система изменяющихся политико-экономических или социально-экономических отношений. Стало быть, необходимо установить (в свое время) эмпирически очевидные и статистически подтверждаемые явления, типичные для советской экономики.

Таковыми нельзя считать периодический трудовой энтузиазм, индустриализацию (совершенную при активном иностранном инвестиционном, технологическом, кадровом содействии), послевоенное восстановление экономики и т.п. Эти и подобные события суть временные явления, определяемые, в том числе, внеэкономическими (военными, политическими, идеологическими...) причинами. Было бы странно, если бы индустриализация (формирование новой технологической, отраслевой, ресурсной, продуктовой, организационной структуры экономики) или послевоенное восстановление хозяйства не обеспечили бы научно-техническое развитие и рост производства и потребления. Или, например, научно-технические достижения (открытия и инновации) в оборонном секторе инициированы не эндогенными экономическими причинами, а внешней внеэкономической необходимостью.

Напротив, таковыми являются: специализация, государственные инвестиции, государственная земля, государственные фирмы, распределение в форме товарно-денежного обращения (товары, обмен, деньги, натуральные и денежные цены); тенденции роста ресурсоемкости производства, дефицита, цен и падения качества продукции; анти-инновационный характер и технологическая отсталость.

Как представляется, в данных аспектах представленная модель соответствует советской экономике и демонстрирует

наличие эндогенных (чисто экономических) отношений, которые закономерно генерируют указанные выше тенденции. (И, в частности, эта модель позволяет установить фундаментальные причины безуспешности реформ 60-х и 80-х гг. Отметим, что в контексте этой модели и концепция перехода к рынку (1990-е гг.) представляется странной, поскольку перейти от рыночного хозяйства к рыночному хозяйству невозможно.) Одна из тенденций – рост дефицита – является в данной модели, таким образом, не следствием директивного управления и внеэкономического принуждения (см. [5]), а следствием экономической

необходимости. Двойной монополизм государства, являющегося частным экономическим субъектом (землевладельцем и капиталистом), не исключает необходимости рыночных отношений, как единственно возможного в условиях специализации способа согласования производства и потребления. Этот монополизм, или иначе безальтернативность производства, однако, определяет особые экономические условия, в которых экономическая конкуренция (соперничество за возможность удовлетворения частных интересов) вынуждает субъектов производства игнорировать предпочтения потребителей.

Библиографический список

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / Пер. с англ., 4-е изд. М.: Дело Лтд, 1994. 720 с.
2. Валовой Д. Экономика: взгляды разных лет: Становление, развитие и перестройка хозяйственного механизма. М.: Наука, 1989. 452 с.
3. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии или Теория общественного богатства / Пер. с фр. Егоров И.А., Белянин А.В. М.: Изограф, 2000. 448 с.
4. Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Сборник / Сост., авт. предисл. и коммент. Э.Б. Корицкий. Л.: Лениздат, 1989. 224 с.
5. Корнаи Я. Дефицит / Пер. с венг. М.: Наука, 1990. 608 с.
6. Кронрод Я.А. Закон стоимости и социалистическая экономика. М.: Наука, 1970. 158 с.
7. Луговой О.Ю. Теория конкурирующего государства. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. 500 с.
8. Мюллер Д. Теория общественного выбора / Панорама экономической мысли конца XX столетия / под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта: в 2 т. Т. 1 / Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова и С.А. Афонцева. СПб.: Экономическая школа, 2002. С. 248-303.
9. Нуреев Р.М. Теория общественного выбора. Курс лекций. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 531 с.
10. Переход к рынку: борьба мнений / Л.И. Абалкин, А.Г. Аганбегян, Р.А. Белоусов и др.; Отв. ред. А.Г. Аганбегян и др.; Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации, Рос. АН, Отд-ние экономики, Н.-и. центр экон. теории и стратегии. М.: Наука, 1993. 191 с.
11. Самуэльсон П.Э. Общественные кривые безразличия // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т. 4. Под общ. ред. А. П. Заостровцева. СПб.: Экономическая школа. 2004. С. 135-164.
12. Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) / Под науч. ред. Р.М. Нуреева. М.: КНОРУС, 2017. 352 с.
13. Эрроу К.Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности: Пер. с англ. / Науч. ред., авт. предисл., послесл. Ф.Т. Алескерев. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 204 с.